

Советские женщины в официальном искусстве с течением времени
из женщин-тружениц постепенно превращались в просто женщинОльга Бокланская писала из Саратова Ангелине Степановой: «Эта совместная
жизнь в одном коридоре так раскрыла характеры и обычаи всех!»Продвинутое искусство еще мало знакомо массам, а потому танцевать
надо от печки

Interpone tuis interdum gaudia curis

НГ АНТРАКТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» №9(126), 11 МАРТА 2005 г.

Исповедь модного человека

Павел Каплевич рассуждает о том, как связаны известность
и инвестиционная политика

Елена Кутловская

Павлу Каплевичу 46 лет. Он успел поработать актером, режиссером, сценографом, художником по костюмам, дизайнером, продюсером, креативным директором, идеологом рекламных роликов.

Каплевич оформлял спектакли для Анатолия Васильева – «Серсо», «Шестеро персонажей в поисках автора». Для Владимира Мирзоева – «Амфитрион», «Сирано де Бержерак», «Хлестаков», «Женитьба», «Двенадцатая ночь», «Укрощение строптивой». Для Петра Фоменко – «Калигула», «Государь ты наш, батюшка». Для Галины Волчек – «Вишневый сад». Вместе с Ниной Чусовой он сделал «Грозу» и «IMAGO», совместно с Андреем Жолдаком создал проект «Чайка». Плюс ко всему вышесказанному он организатор и художественный руководитель «Дизайн-студии П.Каплевича» и создатель нового пафосного телепроекта. Он придумал интерьер магазина «Депю», оформил рестораны «ZOO», «Лабардане», «Царская охота»...

Что он сотворит завтра – можно только гадать. Ясно одно, Павел Каплевич может делать все или почти все. В общении он удивительно прост. Но за его легкой и непринужденной манерой вести беседу кроется лукавый прищур человека, который далеко не так открыт, как кажется. Когда он говорит всерьез, когда иронизирует, а когда привирает – понять невозможно. Да и стоит ли? Ведь Каплевич-человек является самым податливым материалом для творческой фантазии Каплевича-художника.

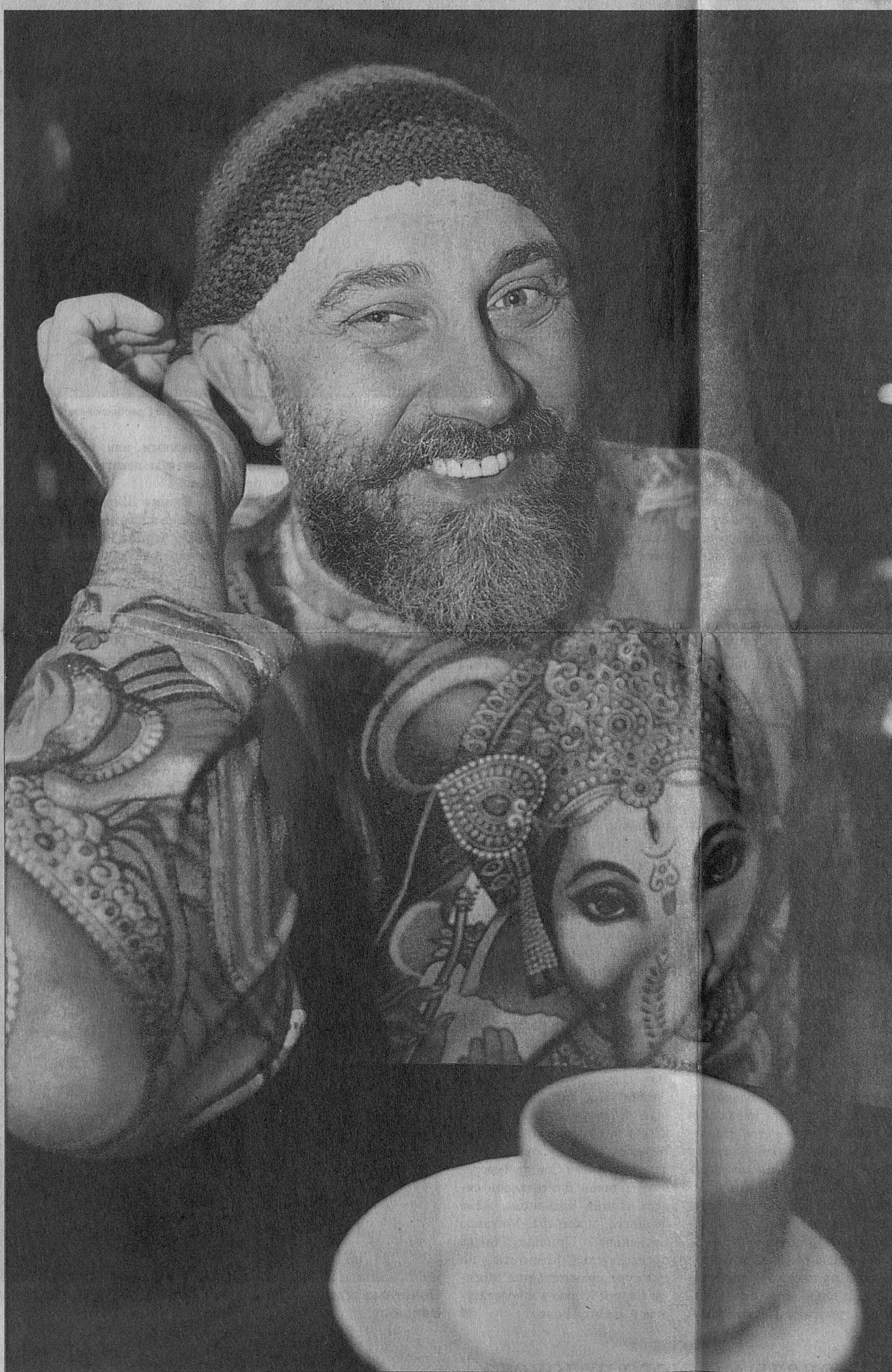
Вы стали известны прежде всего как театральный сценограф.

– Сценографией я всегда занимался как вторым трудом. Первый труд – это костюмы. Вот моя фишка, и вот мой хлеб.

– Где вы учились создавать театральные костюмы?

– Учиться можно где угодно. Я, например, окончил актерский факультет Школы-студии МХАТ. Никакого другого образования не имею и рисовать стал в 23 года. Я много лет наблюдаю за теми, кто добивается успеха в разных областях, и с интересом отмечаю для себя, что появился круг людей, которые достигают чего-то не в той профессии, которой их учили в институте, а рядом. Например, архитектор Сергей Бархин, ставший сценографом; клоун Валентин Неушев, переквалифицировавшийся в режиссера. Или один из ведущих декораторов Андреюша Дмитриев – филолог по образованию. А Юрий Грымов? Вот и я из этой волны. Раньше всюду требовали диплом. И на какие только ухищрения не шли директора театров, чтобы меня как-то тарифицировать. Сегодня, слава богу, ты себя тарифицируешь сам: о чем ты договариваешься, такова и твоя тарификация. Вот сейчас я занимаюсь продюсированием, и пока это мне гораздо интереснее, чем придумывать декорации или костюмы. Целый год жизни я и мой партнер Олег Тепцов занимались новым телепроектом. Жаль, что пока я не уполномочен говорить о нем подробно.

– Театральный художник – это в большей степени столичная профессия, ею можно зани-

Павел Каплевич: «Да, я такой, я постоянно работаю!»

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

маться только в крупных городах, где на театральное дело власть выделяет какие-то деньги.

– Вы знаете, я сам из города Туапсе. Это очень маленький город с населением 50 тысяч людей. Никакой лучезарности по отношению к тому, что происходит в глубинке, я не испытываю. Проблем много. И зарабатывать в театре очень трудно. Особенно если заниматься серьезным театром, а не делать «развлекалово». И в Москве трудно так же, как в провинции.

– Кто является брэндом в сценографическом искусстве?

– Ну какой брэнд?! Театральные художники – люди очень скромные. Но я не о себе. Я лично наглый. Меня уже никто из режиссеров не приглашает работать – все меня боятся. (Смеется.) Потому что я прихожу со своей позицией, меня голыми руками не возьмешь. Я требую от режиссера какой-то идеологии, какой-то конструкции. И к

тому же я человек материально независимый от театра, зарабатываю деньги другим способом. Поэтому работаю в театре только тогда, когда мне это действительно интересно.

– Что вам сегодня интересно?

– Ну, например, проект, который мы намереваемся осуще-

– Как вам удалось Галину Волчек вернуть на сцену?

– Пока еще не вернул. Мы в процессе, но надеюсь, что все будет хорошо.

– Чем еще занимаетесь?

– Вот сегодня сехал в машине утром. У меня было шесть звонков. Я одновременно помогал в

Меня голыми руками
не возьмешь

ствить совместно с режиссером Андреем Жолдаком для театра «Современник». Это спектакль по роману «Вся жизнь впереди» Эмиля Ажара. В главной роли – моя любимая Галина Волчек. Я и продюсирую этот проект, и буду делать там костюмы. А сценографом будет Юрий Купер. Замечательный художник, который был близким другом автора.

поставке каких-то курей, в следующий момент я занимался каким-то клубом, который нужно было куда-то двинуть, параллельно я говорил с Жолдаком и тут же обсуждал литературную премию, ее идеологию. Потом был звонок из Франции по поводу строительства огромного павильона. Дурдом! У водителя, который меня вез, волосы дыбом встали.

Но так жить очень тяжело. Наступает момент, когда от напряжения во мне все закипает, и я обязательно срываюсь на ком-то. Друзья вынуждены меня терпеть...

– У вас замечательные друзья.

– Да. Например, Саша Балусев. Мы вместе с ним учились в институте. Он крестный моего сына, а крестный его дочери.

Я по многу лет ращу людей, которые в один прекрасный момент мне помогут. Долго приучаю их к театру, которым занимаюсь, вожу в музеи, они ездят со мной на гастроли в Колумбию, в Америку... Группа людей, так или иначе завязанных с бизнесом, всегда рядом со мной. Я их искренне люблю и не могу сказать, что у меня просчитаны все ходы. Мы действительно дружим.

– Но ходы все-таки просчитаны?

– Изначально, может, и просчитаны, но ведь люди к тебе прирастают! Мне многие говорят:

«Вот, ты опять в телевизоре, на радио, в кино, в театре! Ты – везде!» Поймите: я должен отвечать за деньги, мне надо быть известным, чтобы в мои проекты можно было инвестировать капитал. То есть мне надо постоянно выстраивать некую банковскую историю. Но я в определенном смысле маргинал и никаких доказательств моего существования на земле, кроме спектаклей и художественных проектов нет.

– Трудовая книжка нигде не лежит?

– Нигде не лежит.

– Вы начинали работать с Кириллом Серебренниковым над спектаклем «Сладкоголовая птица юности»...

– Но в результате по обоюдному согласию разошлись. Мне интересно работать, когда есть какой-то момент поиска, и неинтересно, когда режиссер приходит и говорит: «Вот тут так хочу, а тут – эдак». Кирилл именно такой режиссер. Вот с Мирзоевым мне было интересно, мы с ним разговаривали, искали...

– Но вы и с Мирзоевым расстались, что случилось?

– Ничего катастрофического. Расстались и расстались. Мы слишком долго были вместе. Справедливости ради могу сказать, что Мирзоев всячески старался наш конфликт погасить, устранил.

– Как вы думаете, что будет в ближайшие годы актуально в российской культуре?

– Лет пять будет экзотики очень много. Причем везде! В основе экзотических экзерсисов – яркий и звонкий уход от реальности. «В период безвременья звонкая монета чаще всего оказывается фальшивой» – это тыняновская формулировка. Сущностные персонажи обычно очень тихо существуют. Это видно на примере Германа, Сокурова, Васильева.

Кстати, я с Васильевым тоже, слава богу, три года проработал. Сделал «Шестеро персонажей», «Дюма» и «Бесы». Это было самое начало моей творческой биографии. А потом я и оттуда ушел, как колобок.

– Павел, скажите, артхаус – умирающее искусство?

– Нет, это то, что всегда выживает. Он же альтернативен всему. Вообще артхаус и андеграунд часто меняются местами. Для меня и артхаус и андеграунд – это постоянный поиск. Поэтому я с одинаковым удовольствием буду работать и там и там. Что я, собственно, и делаю. Мне интересны поиски Черныкова и всполохи Жолдака. Слушайте, а как мне интересен Велимир Хлебников! (Хлопает руками по бокам.) Вот фигура так фигура! Там такие бездны! Андрей Разбаш, мой приятель, вычитал у него грандиозную строчку, написанную в самом начале XX века: «И башни мирового торга, где бедности зияют щели, с лицом коварства и восторга ты превратишь однажды в пепел». Никаких башен никакого мирового торга в начале XX века еще не было. Но за сто лет до нью-йоркской трагедии он ее описывает. Причем «восторга» у него звучит как «востока»... Нострадамус так Нострадамус!

– А вы могли бы восемь лет работать над одним-единственным проектом?

– Нет. Во-первых, меня интересует все разное. Во-вторых, я не могу каждый день на работу ходить. Я слишком развешен. Сделал больше 150 спектаклей, штук 80 фильмов. Рекламу – например, зефира «Шармел». А параллельно я занимаюсь коммерческим строительством: рестораны, бизнес-центры, торговые центры, даже кинотеатр «Победа».

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14